

«Новая буржуазия» в советской сатире 1920-х годов¹

*«Вот говорят, что деньги сильнее всего
на свете. Вздор. Ерунда. Капиталисты для
самообольщения все это выдумали»
(М.Зощенко)²*

Чаще всего исследование содержания художественных произведений истолковывается как изучение «языка и стиля» самого писателя. Конечно, писатель может по-разному относиться к изображаемым персонажам и их поступкам. Сам тон повествования, создаваемый именно речевыми средствами - подбором и расстановкой слов, интонационно-синтаксическим рисунком фразы и так далее, - предопределяется, в конечном счете, тем, какую «роль» выбирает себе автор. Но художественный образ неотделим от того содержания, по отношению к которому он выступает как форма. Характер образов определяется не только особенностями языка и художественным замыслом, воплощаемым средствами языка,³ но и самой реальностью.

Сам термин «образ» получил известную определенность в системах, опирающихся на эстетику Гегеля, - тогда, когда искусство стало рассматриваться как особая форма познания реальности. Именно тогда родилось классическое определение искусства как «мышления в образах», а образ стал пониматься как результат творчества, «примиряющего истину и конкретную реальность в виде замкнутой и тем самым самостоятельной ценности».⁴ Конечно, всякий художественный образ не до конца конкретен. В этом его недостаточность по сравнению с реальностью жизненного факта, но в

¹ *Опубликовано: Орлов И.Б. «Новая буржуазия» в советской сатире 1920-х годов // История России XIX - XX веков: Новые источники понимания. М.: МОНФ, 2001. С. 230-236.*

² Зощенко М. Рассказы и повести. Ашхабад, 1988. С. 46.

³ Виноградов В.В. О языке художественной литературы. М., 1959. С. 170-171; Шмелев Д.Н. Слово и образ. М., 1964. С. 16, 105-107.

⁴ Гегель Г.В.Ф. Сочинения / Под ред. А. Деборина и Д. Рязанова. Т. 14. М.;Л., 1958. С. 196.

этом же и его преимущество, обеспечивающее многозначность восприятия действительности.

Известно, что любая эпоха порождает свои мифы, с помощью которых люди осознают существующий мир и наполняют реальность страхами, желаниями и чаяниями. Не избежали этого и «прагматичные» 20-е годы. Не вызывает сомнений и то, что образные репрезентации, приписываемые различным субъектам, играют важную роль в системе общественных отношений. При этом коллективные иллюзии выступают реальной формой социальной психологии и участвуют в процессе формирования стереотипов поведения, как их неотъемлемый элемент. Конструкция из мифов и символов, выполняющая опосредующие функции между собственной идентичностью и данной жизненной реальностью, чаще, чем принято считать, основывается на литературных образах. Однако когда те или иные образные репрезентации несут на себе ярко выраженную идеологическую нагрузку, как, например, образ нэпмана двадцатых годов, поддержка подобных массовых иллюзий выступает одной из неотъемлемых задач партийно-государственного аппарата, так как «прозрение» грозит власть предержащим серьезными последствиями. Именно поэтому образ «новой буржуазии» представляется антиподом образа власти в рамках оппозиции «имущие» и «власть имущие».

Не удивительно, что официальная пропаганда всячески третировала частника, формируя в общественном сознании образ эксплуататора и классового врага. Власти делали все, чтобы окарикатурить предпринимателей в глазах народа. Нелепая фигура толстого человека во фраке и в котелке сделалась непременным атрибутом многочисленных театрализованных шествий. Не были редкостью на демонстрациях и трамвайчики, везущие в гигантском гробу ... «русский капитализм»,⁵ а на выставке союза художников в конце 1922 г. даже экспонировалась картина с характерным названием «Смерть нэпмана».⁶ Особенно в этом отношении отличалась советская сатира,

⁵ Правда. 1927. № 257. С. 3.

⁶ Нестеров М.В. Из писем. Л., 1968. С. 221.

представлявшая собой весьма своеобразное пересечение политики, идеологии и собственно литературы. Как вид популярной литературы, сатира в определенной степени отфильтровывает человеческие представления и, по крайней мере, отражает значительную их часть. Кроме того, сатира представляется одним из средств анализа интеграции различных слоев населения в нэповском обществе.

Сатира эпохи Гражданской войны была почти сплошь газетной и плакатной, а названия немногочисленных и кратковременных журналов пугали обывателя своей откровенной прямолинейностью. Например, в Петрограде в 1918-1919 гг. выходили журналы «Красный дьявол» и «Гильотина». Если в этот период штык заменял собой перо, то олицетворяемые с "гримасами нэпа" 20-е годы стали расцветом сатирической журналистики. Тематика сатирических произведений 20-х годов, основанных на конкретных фактах, почерпнутых либо из непосредственных наблюдений, либо из читательских писем, была весьма пестра.

Первоначально развитие советской сатиры пошло по нескольким направлениям. Ожившее частное предпринимательство в издательской деятельности привело к возрождению юмористики старого типа в форме однодневных сатирико-юмористических листков и газет: «Веселая простокваша» и «Караул!.. Грабеж!...», «Вечерний вопль», «Желчные камни» и других. Ряд изданий, выпускавшихся группами журналистов, литераторов и художников и ориентированных на интеллигенцию («Мухомор» в Петрограде, «Красный перец» в Москве, «Стружки» в Харькове, «Скорпион» в Новониколаевске, «Карусель» в Вологде и т.п.), содержали критику нэпа с некоторым налетом отчаяния перед столь неожиданным «перерождением» власти. Специфическую группу составляли сатирические журналы общественных организаций – «Красный смех» в Астрахани, «Метла» в Саратове, «Красная оса» в Харькове, «Звонарь» в Верхне-Удинске и другие, - преломляющие реалии нэпа прежде всего через призму групповых интересов.

Бурный рост сатирической журналистики «нового типа» начался с конца 1922 г. выпуском еженедельного иллюстрированного сатирического приложения к «Рабочей газете», превратившегося вскоре в журнал «Крокодил». С января 1923 г. «Красный перец» и «Занозу» стала выпускать «Рабочая Москва», с начала августа начало выходить сатирическое приложение к ленинградской «Красной газете», с декабря ставшее журналом «Красный ворон», позднее выходявшем под названиями «Бегемот», «Кипяток», «Пушка» и «Ревизор». Этот пример оказался заразительным для остальных газет, наладивших выпуск собственных сатирических изданий: «Гудок» - «Дрезину» и «Смехач», «Труд» - «Бузотера» (затем «Бич»), «Крестьянская газета» - «Лапоть», «Красная звезда» - «Военный Крокодил» (затем «Танком на мозоль»), «Безбожник» - «Безбожный Крокодил» и т.д.

Все эти многочисленные центральные и региональные издания стремились найти своего читателя, прежде всего, используя массовое недовольство противоречиями новой экономической политики и отождествляемыми с ней «совбуржуями». В борьбе за место под солнцем сатирические журналы использовали все многообразие художественных средств и форм изображения «новой буржуазии». Хотя в немалой степени «сатирический репертуар» определялся составом читательской аудитории (как говорится, «богу - богово, кесарю - кесарево, слесарю – слесарево»), однако поражает редкое единодушие в неприятии «гримас нэпа», варьировавшееся от вполне нейтрального подшучивания до откровенного остракизма.

Образ нэпмана неотделим от нэпа: не случайно это однокоренные слова. В силу последнего обстоятельства на образ «нового буржуа» в целом и на динамику его трансформации на страницах сатирических изданий влиял целый комплекс факторов:

во-первых, общая политическая линия власти в отношении предпринимательского слоя. Курс XII съезда партии (1923 г.) на замену частного капитала кооперацией на практике породил первую масштабную полосу гонений на частников: повсеместно их арестовывали, высылали и

отбирали имущество. Во второй раз административная борьба против частника приняла острые формы в конце 1925 г., третий раз - в конце 1926 г. и четвертый - в начале 1928 г. При этом отрицательное отношение власти к нэпманам никогда не скрывалось. На прошедшем в декабре 1921 г. в Москве одном из первых процессов против предпринимателей известный в партийной среде остряк **Карл Радек** в обвинительной речи, пропитанной революционным пафосом, сформулировал некое большевистское кредо по отношению к капиталистическим «хищникам»: *«На скамье подсудимых сидят мелкие хищники - владельцы кафе, чайных и сапожных мастерских, гастрономических и иных магазинов, словом те «предприниматели», которые, не принося никакой пользы трудящимся, обслуживая жирных, себе подобных господ, по своему поняли новую экономическую политику»*.⁷ Здесь мы сталкиваемся с проявлением феномена «социального зооморфизма», как составной части мифологизации общественного сознания, о чем будет сказано ниже. В свою очередь, советская сатира весьма чутко реагировала на колебания партийной линии. Как сказал герой одного из советских кинофильмов: *«Я никогда не отклонялся от генеральной линии партии, я колебался вместе с ней»*. В курсе на усиление партийности литературы старый прием, родственник карикатуре и басне, - оживотнивание осмеиваемого объекта, считался чрезвычайно эффективным.⁸ Не зря «советский сонник» утверждал, что *«ветеринара во сне увидеть: нэпману - к болезни»*.⁹ «Животных» образов, в которых представляли нэпманы на страницах сатирических изданий, набирается на целый зоопарк. Здесь павлины (*«были в ресторане «Ампир» на Петровской линии, видели там разноцветные перья павлинии»*),¹⁰ крокодилы (*«там, где наиболее мутно, орудует крокодилье племя»*),¹¹ спруты (*«и в ту же минуту, похожий на*

⁷ Цит. по: Виноградов С.В. Нэп: опыт создания многоукладной экономики. М., 1996. С. 81.

⁸ Подробнее по этому вопросу см.: Багдасарян В.Э. Проблема мифологизации истории в отечественной литературе 1990-х гг. М., 2000. С. 41-42.

⁹ Крокодил. М., 1922. № 6. С. 7.

¹⁰ Караул!... Грабеж!... М., 1922. № 2. С. 1.

¹¹ Крокодил. 1922. № 1. С. 2.

спрута, нэпач подкатился»)¹² и конечно же блохи - кровососущие и бесполезные насекомые, - именно так представлялись нэпманы редакции ленинградского журнала «Бегемот».¹³ Традиционно отождествление предпринимателей этой поры со свиньями. Опять же пример из упоминавшегося «сонника»: *«Сало свиное во сне есть: от нэпмана деньги получить»*.¹⁴

Во-вторых, реальная экономическая конъюнктура и, прежде всего, голодные 1921-1922 годы. Ускоренный процесс «первоначального накопления капитала» в первой половине 1922 г. объясняется тем, что в условиях голода «разъездная торговля» пищевыми продуктами и связанные с этой торговлей комиссионно-транспортные конторы давали весьма высокие барыши. На фоне голодающего или по меньшей мере бедствующего населения сытый нэпман приобретал откровенно карикатурные черты, заявляя в ответ на просьбу голодного: *«Иди, любезный, иди... Я сам страдаю от недоедания: вчера в «Салхино» осетра никак не доел...»*.¹⁵ Петроградский журнал «Мухомор», поместивший на своей обложке карикатуру с хрестоматийным названием «Торжествующий нэпман», дал под ней характерную для массового восприятия предпринимателей подпись: *«Что нам общая беда, голод или Волга? Мы хотя не навсегда, но зато надолго»*.¹⁶

В-третьих, социально-профессиональный состав и поведение самих нэпманов, особенно в период нэповского «ренессанса» 1922 г. Искусственный и очень ограниченный характер роста частного предпринимательства во время нэпа вынес на поверхность людей совершенно другого сорта и профессионального уровня, нежели дореволюционные предприниматели и купцы. Не секрет, что нэпманы, неуютно чувствовавшие себя в Советской республике, часто вели себя по принципу «пропадать - так с музыкой», предаваясь пьяным кутежам и разврату. Поэтому карикатуры в рубриках

¹² Там же. № 10. С. 10.

¹³ Бегемот. Л., 1924. № 1. С. 14.

¹⁴ Крокодил. 1922. № 6. С. 7.

¹⁵ Красный смех. Астрахань, 1922. № 1. С. 6.

¹⁶ Мухомор. Птг., 1922. № 5. С. 8.

«Гримасы нэпа», изображающие дремлющих за столом, уставленным едой и спиртным, жирных нэпманов, быстро стали приметой времени.

Все дело в том, что зародышевой формой класса частных торговцев и предпринимателей эпохи нэпа стали мешочники поры военного коммунизма - энергичные и предприимчивые люди, приученные к постоянному риску и потому стремящиеся жить одним днем. Горький опыт прошлых лет заставлял торговцев быть чрезвычайно осторожными. Лица, имевшие скрытые запасы товаров и спрятанные сбережения, не спешили выходить с ними на рынок, боясь подвергнуться ограблению. Это подтверждается тем, что в течение достаточно долгого периода (по крайней мере, до марта 1922 г.) оживление торговли сказывалось только на базарах и железнодорожных станциях, то есть в «вотчинах» мешочников. Тогда как появление на рынке более-менее крупного капитала относится к первой четверти 1922 г.¹⁷ Но и в дальнейшем частный капитал развивался не так, как предполагалось при введении нэпа. Основная часть капитала оказалась в торговле. Процветали спекулянты, маклеры, ростовщики, которые были трудно уловимы, а в производственную сферу капитал внедрялся вяло. Так, в Европейской части России фабриканты и заводчики насчитывали в 1923 г. всего 428 человек (1,3% всего предпринимательского слоя), а в 1926 г. их количество возросло всего до 477 человек.¹⁸ Не случайно на страницах сатирических журналов новая экономическая политика представлялась как простое сокращение аббревиатуры «ГЛАВКИ» за счет утери буквы «Г».¹⁹ Подобный социально-профессиональный состав «новой буржуазии» в немалой определяло как поведенческие стереотипы последней, так и их образные интерпретации.

В силу вышесказанного, набор внешних черт нэпмана в сатире 1920-х годов представлялся весьма упрощенным. Это непременно - толстое брюхо

¹⁷ Шерман С. Внутренний рынок и торговый быт Советской России // Нэп. Взгляд со стороны: Сборник. М., 1991. С. 145-146.

¹⁸ Жиромская В.Б. Социальные процессы в советском городе в первой половине 1920-х гг. // Историческое значение нэп. Сб. научн. трудов. М., 1990. С. 98.

¹⁹ Мухомор. 1922. № 1. С. 3.

(«купчина - грешник старый, пудов двенадцать с тарой»)²⁰ и жирная морда (лицо у него как таковое отсутствует: «Ни единого лица... Только маски, маски, маски! Жирный слой защитной краски кроет морду стервеца»),²¹ обилие бриллиантовых украшений и распирающиеся от денег карманы («весельем дышут рожки и на облысевших лбах и бриллиантах играет солнце. В портфелях деньги, в карманах деньги и кукиши в голове»)²² При этом близкие по смыслу слова «толстый» и «жирный» нередко соседствуют в советской сатире 20-х годов,²³ дабы еще больше окарикатурить образ нэпмана. А оппозиция большого и маленького призвана усиливать это впечатление: «Тик-так, тик-так, - мелодично и игриво поют маленькие платиновые часики на большой жирной руке нэпманиши».²⁴

При этом внутренний мир представителей «новой буржуазии» рисовался откровенно убогим, а ценностные ориентиры - примитивными и сводимыми к фетишу денег: «Повсеместно - смена вех: убежденья, как перчатки, в спешном чистятся порядке. «Время – деньги» - смех и грех».²⁵ Характеристика нэпа складывается почти по Эмилю Верхарну: «Нэп - это колокол, а звон его: деньги, деньги, деньги!».²⁶ А в погоне за деньгами приметой дня становится лозунг – «Не торгующий, да не ест». Некто Афанасий Скула, составивший шуточный справочник «Вологда в географии», в разделе «Торговля» отметил, что «продавцов на местном базаре больше, чем покупателей. Есть торговые фирмы: «Оборот», «Заворот», «Выворот», «Наоборот» и «Поворот».²⁷ Сказочный персонаж Алеша Попович «на Ильинке увидел нэповские картинки»: «Декрет о новой свободной торговле пошел не вперед, а назад, торгуют на старый лад, даже хуже в сто крат, - в одном месте лежит

²⁰ Бегемот. 1925. № 3. С. 5.

²¹ Князев В. Широкая нэповская масленица // Красный ворон. Птг., 1923. № 7. С. 2.

²² Скорпион (Сибирский). Новониколаевск, 1922. № 1. С. 9.

²³ Пародию на типичный «пролетарский» рассказ тех лет см.: Крокодил. 1922. № 1. С. 10.

²⁴ Коварский М. Новогодняя легенда // Смехач. Л., 1927. № 1. С. 9.

²⁵ Красный ворон. 1923. № 7. С. 2.

²⁶ Там же. № 4. С. 2.

²⁷ Карусель. Вологда, 1922. № 3. С. 7.

товар, а в двадцати происходит базар, заочно продают и покупают, десятки миллиардов наживаются, а народу свой нэповский лозунг напевают: «... что было ваше, то стало наше...».²⁸ «Краткий курс математических наук нэповского периода» постулировал некие «геометрические аксиомы», как-то: «Из каждой ответственной точки в тресте можно восстановить к спекулянту перпендикуляр, и притом - сколько угодно», «Между тремя первыми встречными на улице можно провести спекуляцию, и притом не одну» и т.д.²⁹ Типичны в этом плане карикатуры с заголовками типа «Делец», «Сделка на «воздух» и «дым» и т.п.³⁰

Конечно, трудовые ценности нового предпринимательского слоя были несколько иными, чем у дореволюционной буржуазии. В рассказе **М. Зощенко** «Горькая доля» (1923 г.) жена одного нэпмана в письме к подруге жалуется на жизнь: «Мы немножко работаем на валюте и немножко на картинах. Конечно, наши дела могли быть и лучше, но ты сама понимаешь, можно ли сейчас работать при большевиках».³¹ С одной стороны достаточно метко ухвачено типичное «немножко работаем», но с другой стороны, налицо признание того, что созданные условия совсем не способствовали частному предпринимательству. Поэтому в период нэпа частная предприимчивость «спекулятивных дел мастеров» нередко превращалась в настоящее мошенничество. Советская сатира весьма образно реагировала на достаточно широко распространенные факты спекуляции и обмана. Например, в форму «народной мудрости о нэпе» облекались такие выражения, как «Семь раз отмерь, а потом ... обвесь» и «С миру по нитке, и ... нэпман в визитке»,³² а тема спекуляции постоянно присутствовала в «народной рыночной» частушке:

«Не входи, хозяйка, в раж,

Коли я слукавила:

«Не обманешь - не продашь», -

²⁸ Караул!... Грабеж!... 1922. № 2. С. 1.

²⁹ Моржов А. Наука и жизнь // Мухомор. 1922. № 5. С. 5.

³⁰ Скорпион (Сибирский). 1922. № 1. С. 8.

³¹ Зощенко М.М. Суета сует. 2-е изд. М., 1993. С. 36.

³² Крокодил. 1922. № 10. С. 10.

*Это наше правило».*³³

В условиях рыночной стихии предпринимателям приходилось проявлять «чудеса» изворотливости, чтобы завлечь покупателя. Например, смоленская газета «Рабочий путь» поместила сообщение о попытке арендатора пивоваренных заводов Шварца провести анкетирование среди крестьян губернии по вопросу малого потребления пива,³⁴ в Ленинграде арендаторы норовили открывать «заведения с желто-зелеными вывесками» (пивные) поближе к заводам, мотивируя тем, что *«вложишь ближе к массам, производительность подымешь»*,³⁵ а в городе Гусь Хрустальный Владимирской губернии частный торговец ходатайствовал перед ЦИКом, *«идя навстречу населению и все развивающейся промышленности»*, об открытии крупной оптовой торговли крепкими напитками.³⁶

Наряду с действительными фактами, на страницах сатирических изданий в соответствии с законами жанра зачастую в гротескной форме обыгрывались «типичные жизненные ситуации». Вот некоторые из них. Перед нами одна такая «зарисовка с натуры» - диалог покупателя и продавца на рынке: *«- Мука-то у вас, кажется, с мусором? - Совершенно верно. Но вы только потрудитесь взглянуть, что это за мусор-то? Не знаешь просто, кому предпочтение отдать: муке или мусору? ... Истинно-с!»*.³⁷ Для торговца не считалось грехом воспользоваться неграмотностью или несообразительностью покупателя. Вот крестьянка, упрасивающая продавца: *«Ты уж, кормилец, аршинами сделай отрез мне на юбку. Не понимаем мы в этих метрах»*. И продавец – «добрая душа» - входит в ее положение: *«Тяжело это, тетка, сама знаешь, как душат нашего брата теперь, торговца. Но так и быть, для тебя аршин за метр посчитаю»*.³⁸ Или еще один диалог, «подслушанный» автором на Александровском рынке: *«- Эти брюки очень дороги: 20 рублей! Вот если*

³³ Бегемот. 1924. № 4. С. 12.

³⁴ См.: Крокодил. 1922. № 2. С. 11.

³⁵ Бегемот. 1925. № 5. С. 14.

³⁶ См.: Смехач. 1927. № 4. С. 6.

³⁷ Красный смех. 1922. № 2. С. 7.

³⁸ Бегемот. 1924. № 3. С. 12.

*бы с рассрочкой... - Извольте-с! Только для вас! Сейчас дадите 20 рубликов и через месяц десятку-с! - Ну, это другое дело! Заверните».*³⁹

Многоликость предпринимательского слоя становилась притчей во языцех. Наглядный пример тому, поведение торговца в различных житейских ситуациях, «смоделированное» в журнале «Крокодил» под заголовком «Нэповская бухгалтерия»:

I

« - Ваш месячный оборот?

- А вы кто будете?

- Агент финотдела, - по налогу...

- Пишите: 8 лимончиков-с! Вот и по книгам нашим-с все обозначено...

II

- Так просто Госбанк вам ссуды не выдаст... Большой у вас месячный оборот?

- Что вы, что вы, - мы эфто понимаем-с! Оборачиваем 8 миллиардов-с. Вот и по книгам нашим все обозначено...

III

- А мы к вам за пожертвованием в помгол...

*- Проходи, проходи, любезный! Сами без гроша сидим - никакого в магазине нету обороту. Вот и по книгам все обозначено-с...».*⁴⁰

Текст, в общем то, не требует комментариев. На практике нэпману действительно приходилось всячески обходить различные препоны и рогатки, выставляемые на его пути властными структурами различных уровней. И здесь сатира, «приравненная к штыку», иногда обнаруживает даже сочувствие к предпринимательскому слою. Карикатура Н. Радлова снабжена довольно нетипичным диалогом двух нэпманов:

« - Чем занимаетесь, гражданин?

- Служу.

³⁹ Там же. № 4. С. 9.

⁴⁰ Крокодил. 1922. № 4. С. 6.

- Где?

- Нигде. Просто служу государству.

- Чем же вы ему служите?

- Предметом обложения». ⁴¹

Очевидна для советской сатиры и роль государства - главного архитектора подобной политики. Изложенная в жанре «русского народного нэпоса» история «краскупа» (красного купца) Калашникова, «обесчестившего» невесту Губсоюза Кооперацию и свалившего с ног вызвавшего его на бой жениха, завершается вмешательством царя Главсоюза Центросоюзовича. Приговор последнего короток и суров:

«А за то тебя повелели мы

Взять в налог, в патент, в сборы лютые,

За вершки плати, за квадратные,

И за чох, за вздох, за фамилию,

И за нас за всех, сколько сказано». ⁴²

Кроме того, частный торговец нередко ставился в пример государственной и кооперативной торговле, что нашло отражение в карикатурах даже 1926-1927 гг., в условиях форсированного наступления на частный капитал. Подписи под карикатурами, сделанные в форме диалога покупателя и продавца, в целом типичны для своего времени. Меняется только содержание вопросов. Если в 1926 г. покупателя волнует более низкое качество кооперативных товаров по сравнению с частной торговлей, то по мере обострения товарного дефицита вопрос трансформируется в плоскость отсутствия тех или иных элементарных товаров. Ответ продавца кооперативной лавки остается прежним: *«Не могу знать, гражданка. Это их частное дело!»* или *«Помилуйте, мы ничего общего с частной торговлей не имеем!»*. ⁴³

⁴¹ Мухомор. 1922. № 6. С. 14.

⁴² Там же. № 5. С. 2.

⁴³ См.: Бегемот. 1926. № 15. С. 1; Смехач. 1927. № 6. С. 2.

Советская сатира формировала весьма однобокое общественное мнение о предпринимательской деятельности не только в сфере торговли, но и в области промышленного производства. Так, «обрабатывающая» промышленность города Вологды сводилась к обработке обывателей «всякого рода гастролерами», а «добывающая промышленность» к поискам самогонки.⁴⁴ Да и в целом частная промышленность ассоциировалась с «копильным заведением», коптящим небо.⁴⁵ «Хозяйчик» всегда плутоват и горазд прикинуться дурачком. Вот как это виделось **М. Зощенко** в зарисовке «Зарвавшийся хозяйчик»: *«Шито-крыто обдeldывал свои делишки хозяйчик, да нагрнула милиция. Хозяйчик дурачком прикинулся. Этот, - говорит, - приказчик - моя тетка, а это - родная бабушка. Стали раздевать эту бабушку, а она ничего подобного, оказалась не родственница даже, а вообще не зарегистрированная на Бирже Труда».*⁴⁶ Но как веревочке не виться, а конец всегда один. *«Теперь я понимаю изречение: «Время – деньги», - суд присудил мне три месяца или пятьсот золотом», - сетует «догадливый» нэпман.*⁴⁷ Хитрость всегда выходит боком, на что и делается упор в «Учебнике Бегемота»: *«Задача. Торговец, скупив хлеб по 2 1/2 копейки, продавал его во время наводнения по 8 копеек фунт. Сколько получил торговец, продав 6 пудов? Ответ: 1 год без применения амнистии».*⁴⁸ Однако он не теряет и в зале суда, обращаясь к судье с весьма примечательной речью: *«А что касается тысячи рублей штрафа, то должен сказать, что гражданин прокурор очень запрашивают, и беспрерменно должны они - принимая в расчет крупную партию - гривенника по два на рупь скинуть!».*⁴⁹

Еще одним качеством, приписываемым советской сатирой нэпману, является жадность, проявляющаяся абсолютно во всем. Наш старый знакомец *«толстый нэпман, подработав массу денег на фу-фу»*, непременно *«держит*

⁴⁴ Карусель. 1922. № 3. С. 7.

⁴⁵ Красный смех. 1922. № 1. С. 6.

⁴⁶ Мухомор. 1922. № 12. С. 5.

⁴⁷ Красный ворон. 1923. № 1. С. 5.

⁴⁸ Бегемот. 1924. № 3. С. 3.

⁴⁹ Там же. № 8. С. 1.

*стерлинги и фунты в несгораемом шкафу».*⁵⁰ Ест же он также с пугающей жадностью:

*«Все забыто у корыта в упоении жратвы.
Ест со вкусом. Тусклым лаком покрываются глаза.
Слезы «братьев»? Мозг свинячий этой жирной головы
Может тронуть только сыра аппетитная слеза.
Мысли (скисли)! Тихо бродят над кусочком осетра,
Над икоркой и под коркой сладострастных кулебяк...
Прорва! Яма! Вся программа прет отрыжкой из нутра.
«Жить счастливо - блин и пиво,
Остальное все пустяк».*⁵¹

Но совсем иначе смотрели на такое «счастье» сатирики 20-х годов. Например, **М. Зощенко** нарисовал образ некоего Петра Петровича, который жил богато (*«Хозяйство, и гардероб, и сундуки, полные добра...»*), но *«при всем таком богатстве жил человек скучновато. Сидел на своем добре, смотрел на свою супругу и никуда не показывался. Боялся из дома выходить, в смысле кражи».*⁵² А вот еще один «буржуйский персонаж»- человек, выигравшем по золотому займу 5 тысяч рублей. Его монолог с большой натяжкой можно назвать рассказом довольного своей судьбой человека: *«Вот все говорят: буржуи, буржуи... Буржуям, дескать, не жилье, а малина. А вот я сам, скажем, буржуем побывал, капиталистом...А чего в этом хорошего?»*. Дело в том, что на почве денег Илья Иванович Спиридонов поссорился с родственниками и стал постоянным «клиентом» налетчиков.⁵³

Среди набора «смертных грехов» нэпманов присутствовало и пьянство. В начале 20-х годов *«нэпо румяная, угарно пьяная»* нередко рисовалась в виде запеленатого младенца, рядом с которым располагались неперенные

⁵⁰ Красный ворон. 1923. № 7. С. 5.

⁵¹ Волженин Р. У корыта // Красный ворон. 1923. № 7. С. 2.

⁵² Зощенко М.М. Суета сует. 2-е изд. М., 1993. С. 43.

⁵³ Зощенко М. Рассказы и повести. Ашхабад, 1988. С. 78.

атрибуты в виде пива и карт.⁵⁴ Как мы видим, в глазах сатириков образ «нового буржуа» был откровенно аморален и явно противоречил как советским, так и христианским заповедям. Хотя, с другой стороны, советская сатира не упускала случая использовать образ нэпмана в целях антирелигиозной пропаганды. Например, оптовик-масленник Нэпотребов, вызывая старшего доверенного, рассказывает ему свой сон: *«Стоит корова перед бочкой и плачет прямо в бочку»*. Долго думав о смысле сна, нэпман наконец решил: *«А потом меня осенило: плачет корова, что масло ее мы дешево базарим, ну, известно, «блажен, иже и скот милует», - так я по евангельски поступлю, если на цену накину лимон-другой...»*.⁵⁵ Подобная «изобретательность» нередко соседствуют в создаваемом образе нэпмана с тупостью и некой наивностью. Рекордом воображения представляется расчет торговца, не имеющего патента, на то, что фининспектор этого не заметит,⁵⁶ а верхом наивности - ликование нэпманов, окруживших выставленный 1 апреля плакат с надписью: *«Социальные бури не угрожают больше буржуазии»*.⁵⁷ И совсем уже откровенной психопатологией отдает нарисованная **М. Зощенко** сцена в амбулатории: *«Такой толстоватый гражданин, наверное, бывший рыночный торговец или черт его знает кто говорит: «Ну еще бы! Ясно. Человечество торговать хочет, а тут, извольте, глядите на ихнюю торговлю. Вот и хворают»*. Авторское резюме безапелляционно: *«Я гляжу на его глуповатое лицо и понимаю, что он прав - медицина ему не поможет»*.⁵⁸

Но близкое видится на расстоянии. Отсюда попытка представить образ нэпмана в концентрированном виде в фантастической форме. Перед нами далекое будущее - 2322 год. Строгие экзаменаторы принимают экзамен на звание «доктора нэпологии» у молодого исследователя:

«Что разумели нэпманы под нэпом?»

- Наживайтесь, это дозволено.

⁵⁴ Красный ворон. 1923. № 2. С. 8.

⁵⁵ Гуревич И. Повышательное // Красный ворон. 1923. № 2. С. 4.

⁵⁶ Бегемот. 1924. № 9. С. 15.

⁵⁷ Красный ворон. 1923. № 13. С. 1.

⁵⁸ Зощенко М. Рассказы и повести. Ашхабад, 1988. С. 227,231.

Был ли Святой Непомук патроном нэпманов?

- Нет, у них не было ничего святого.

Написал ли Корнелий Нэпот историю нэпманов?

- Нет, он писал только о честных мужах.

В чем было сходство нэпманов с писателями?

- В любви к авансам.

В чем они отличались от китайцев?

- Нэпман, растратив аванс, вопреки китайскому воззрению, что лучше сидеть, чем бежать, старался скорее бежать, чтобы не сидеть».⁵⁹

Нэп нередко ассоциировался с разложением и смертью. Вот героический красноармеец Павел, попавший в «душливую атмосферу» нэпа:

«Из людей рождаются слизи...

Пренелепый нэпый век...

Разлагается при жизни

Полный жизни человек...».⁶⁰

А вот - студент-революционер Петр Андреевич Семинарский, окунувшийся в «сонный мир» службы:

«Пахнет мирным духом склепа...

Жизнь - не жизнь, а благодать!

Ведь коли нэпа, значит нэпа,

Значит неча и роптать...».⁶¹

Поэтому и «совбуржуи» нередко предстают в образе «нечисти». В рассказе Грамена «На живом погосте» сторож кладбища Пафнутий с удивлением обнаружил покойников, вылезших из могил и сидящих на вольном воздухе. На вопрос сторожа «Это по какому случаю?», один из умерших коротко ответил: «Нэп».⁶² Однако Нэпман нэпману рознь.⁶³ Так, нэпман-

⁵⁹ Мухомор. 1922. № 10. С. 4.

⁶⁰ Крокодил. 1922. № 1. С. 6.

⁶¹ Там же. С. 7.

⁶² Там же. С. 5.

предприниматель - птица высокого полета, не чета нэпачу-спекулянту, которой с трудом тянет на роль «новой буржуазии», сколько бы он не тужился и пыжился:

*«Куцое пальто и шляпа Рокамболя,
Желтое лицо без усов и бороды:
В общем типичная фигура из «Бристоля»
(Из «Бристоля» - в «кавычках») чистойшей воды.
С уст у него не сходят вагоны,
Наряды, авансы, бронированный груз -
Милльоны, милльоны - одни милльоны,
Наркоминдел и Центросоюз.
Сделал вчера миллиард на бутылках,
Сто тысяч крон перевел в Нью-Йорк.
Германский посол - у него на посылках,
На задних лапках перед ним - Внешторг.
Но дома, под крышей убогой мансарды,
Согнавши улыбку с искривленных губ,
Забывши про кроны, Нью-Йорк, миллиарды,
Он жадно глотает гороховый суп.
И злобно жена его шилит – «Растяпа!
Опять ни лимона домой не принес!
Как могла я выйти за такого арапа,
Когда за меня сватался матрос!».⁶⁴*

Конечно, советская сатира не различала ценностные ориентиры различных предпринимательских групп, однако поведенческие стереотипы все-таки разделялись. Спекулянт радуется тому, что *«опять возможность есть для нас поспекулять. Соблюдая осторожность, можно жить и припевать».*

⁶³ В этом плане весьма характерна карикатура в «Крокодиле», изображающая новую экономическую политику в трех ипостасях: НЭП, нэпман и нэпач (см.: Крокодил. 1922. № 8. С. 2).

⁶⁴ Скиталец-Яковлев. Нэпман // Мухомор. 1922. № 5. С. 4.

Буржуй декларирует: *«Будя, будя жить в подпольи, снова «жить» приходит срок. Вновь возьму рабочих в колья и сожму в бараний рог»*. Купец гордится тем, что *«на Ильинке и на рынке я опять торговый царь. Жизнь поперла без заминки, Как и прежде, как и встарь»*.⁶⁵ Вполне понятно, что сатира была призвана поставить заслон подобным «сменовеховским настроениям». Бобчинский и Добчинский, с которыми сатирик олицетворял нэп, хнычущие по поводу страшно великих налогов и задающиеся вопросом: *«Когда уйдут большевики?»*», получили на это вполне определенный ответ:

*«Когда верблюды и рак
Станцуют краковяк,
Тогда уйдут большевики!...»*.⁶⁶

Если верить классику, что человечество, смеясь, расстаётся со своим прошлым, то с нэпом стали прощаться в самом его начале. Причем постепенно подшучивание и юмористические сюжеты уступали места злой сатире, облеченной в прозодежду из политики и идеологии. Можно сколько угодно спорить о судьбе нэпа в конце 20-х годов, но сатирическая литература периода новой экономической политики рисует весьма определенную картину предсказуемого финала нэпа. В первом номере киевского журнала «Тиски» (январь 1923 г.) на обложке была помещена карикатура под заголовком «Всерьез и надолго», изображающую рабочего, закручивающего в тисках нэпманов, попов, спекулянтов и бандитов. В этом же январе в петроградском журнале «Красный ворон» карикатура в духе «трактирного нэпа» под названием «Валтасаров пир нэпа» была сопровождена двумя надписями: на самой карикатуре – «Всерьез, надолго, но не навсегда», а ниже предупреждение – «А грозные буквы давно на стене чертит уж рука роковая».⁶⁷ Весной 1923 г., в разгар первого наступления на частного разговора о конце нэпа были широко распространены в партийной среде. Об этом

⁶⁵ Крокодил. 1922. № 1. С. 14.

⁶⁶ Веселая простокваша. 1922. № 1. С. 2.

⁶⁷ Красный ворон. 1923. № 1. С. 8.

свидетельствует весьма типичный диалог, помещенный в журнале «Красный ворон»:

« - Вот, говорят: коммунисты крещения не признают...

-Ну?

*- Врут. Сам намедни слышал, как один коммунист говорил: когда, говорит, НЭП сделает свое дело, мы, говорит, на нем - крест поставим!».*⁶⁸

А летом надежды на отказ от нэпа приобретают ярко выраженный лозунговый характер:

«Но не вечен карнавал

Нэпомасленицы дикой -

Грянет час и клич великий

*Прекратит веселый бал!».*⁶⁹

Более того, ожидания пытаются представить, как осуществленную реальность. Сказка в стиле известного «Колобка» под названием «Красный блинок» повествует о приключениях испеченного мужиком красного блина, который катится по свету, встречая разные персонажи. И вот навстречу ему НЭП: *«Глаза злющие, руки загребущие. Рот - до еды падкий, а в каждой руке – взятки».* Пошевелил НЭП брюхом: *«Съешь что-ли тебя одним духом?»*, но *«тут его блинок и покрыл с головы до ног».*⁷⁰ На фоне усиливающегося административного давления на частника и расширения карательной практики невольно хочется перефразировать **Владимира Маяковского**: *«И если завяз в ГПУ коготок, то всей буржуазной птичке пропасть».* Сатирические журналы в этот период балансируют на грани шутки и скрытых угроз. Заметка «Жестокие нравы» тому пример: *« - Хватай его! Тащи! - закричали рабочие, сцапав хозяйчика за жабры. - Поставим его, подлого, к стенке! И – поставили».* Однако ниже следует рисунок, на котором хозяин стоит перед стенгазетой.⁷¹ Тогда как в 1927 г., когда наступление на частный капитал приобрело более

⁶⁸ Там же. № 3. С. 2.

⁶⁹ Там же. № 7. С. 2.

⁷⁰ Владимиров Б. Красный блинок // Красный ворон. 1923. № 7. С. 7.

⁷¹ Бегемот. 1924. № 1. С. 5.

открытый и целенаправленный характер, сатирические издания всячески камуфлировали этот курс в материалах такого рода, как шуточное сообщение «Прижали частника»: *«Ленинград. Вчера в трамвае № 9 прижали к двери частника В. Давидовича»*.⁷²

Нэп изначально ассоциировался с неисправным летательным аппаратом: *«Вчера на аэродроме пробовали новую недавно изобретенную летательную машину «НЭП». Аэроплан поднялся на два аршина и упал в лужу. Рожденный ползать летать не может!...»*.⁷³ Однако постепенно идея «неисправности» нэпа вытесняется мыслью о его чуждости. А о таких вещах уже шутить нельзя. Справедливости ради следует заметить, что для некоторых журналов («Красный ворон», «Бегемот», «Смехач», «Бузотер» и др.) были действительно характерны «разухабисто-крикливая физиономия», «общие сатирические маски», аполитизм, откровенная пошлость, внимание к незначительным мелочам и «смехачество без повода».⁷⁴ Однако коммунистическую власть больше волновало «приспособленчество к вкусам мещанства и новой буржуазии». Именно поэтому в апреле 1927 г. Постановление ЦК партии «О сатирико-юмористических журналах», подвергнув многие журналы критике, призвало стать последние органами бичующей политической сатиры, направленной против пережитков старого строя и быта, *«против классовых врагов внутри и за пределами СССР...»*. ЦК счел целесообразным дифференцировать сеть сатирических журналов применительно к специфике запросов, интересов и культурного уровня отдельных слоев населения. Так, «Крокодил» и «Бегемот» предназначались *«для политически зрелых слоев рабочих»*, «Бузотер» - для членов профсоюзов, «Смехач» - для служащих, а «Лапоть» - для деревенского актива.⁷⁵

Реакция не замедлила себя ждать: в этом же году первый номер журнала «Веселые кузнецы» (Свердловск) - бесплатного приложения к газете

⁷² Смехач. Л., 1927. № 3. С. 8.

⁷³ Караул!... Грабеж!... 1922. № 2. С. 3.

⁷⁴ Стыкалин С.И., Кременская И.К. Советская сатирическая печать. 1917-1963. М., 1963. С.23.

⁷⁵ См.: Красная печать. 1927. №11. С.74.

«Уральский рабочий» - был посвящен борьбе с троцкизмом. Общий тон советской сатиры начинают задавать «Крокодил» и «Лапоть», а «Бузотер», переименованный в «Бич», сливается с «Пушкой». Не нашел своего лица и «Ревизор», пришедший на смену «Пушке» и «Кипятку», а 1930 г. «Красная газета» вообще отказалась от выпуска сатирического журнала. «Смехач» был передан в издательство «Огонек», где **М.Е. Кольцов** возродил его под названием «Чудак». Но в начале 30-х годов «Чудак» и «Лапоть» были закрыты, а с 1933 г. по существу единственным сатирическим журналом на русском языке остался выходивший 500-тысячным тиражом «Крокодил».⁷⁶ Немалую роль в подобной унификации сатирических подходов сыграло, наряду с обострением внешнеполитической обстановки и борьбой с советским бюрократизмом, наступление на частника по всему «социалистическому фронту».

⁷⁶ Стыкалин С.И., Кременская И.К. Указ. соч. С.25.